

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Смерть отца	8
Правительница Елена Глинская	17
Иваново детство	21
Царский титул	29
Мятеж в Москве	37
Почин	40
Первая война	47
Учитель жизни	49
Реформы	54
Взятие Казани	64
«Мятеж» в Думе	69
Избранная Рада	75
Авторитет Сильвестра	82
Ересь	84
Продолжение реформ	89
Война за Ливонию	101
Отставка Адашева	107
Поход на Полоцк	113
Раздор с боярами	115
Царь-летописец	128
Противостояние	142
Был ли Грозный писателем?	148
Измена Курбского	155
Царское завещание	168
Роковые решения	175
Указ об опричнине	182
Опричная гроза	185
Земский собор	201
«Заговор» Федорова	209
Террор	220
Начало великого разорения	233

Судьба княжат	238
Новгородский разгром	241
Московское дело	267
Победы и поражения	277
Незавершенное расследование	282
Марфа Собакина	287
Монашеское братство	289
Опричный Новгород	296
Последнее опричное правительство	301
Разгром Крымской орды	312
Отмена опричнины	317
Итоги опричнины	326
Кровопротитие	332
Начало книгопечатания	337
Татарский хан на московском престоле	342
Борьба за польскую корону	353
Ливонские победы	359
Политика «двора»	365
Конец войны	369
«Священство» и «царство»	385
Сибирская одиссея	401
Закрепощение сословий	411
Юрьев день	416
Семейная жизнь Грозного	421
Последний кризис	431
Смерть Грозного	437

ВВЕДЕНИЕ

В XVI в. в истории европейских народов наступили большие перемены. Мир стоял на пороге Нового времени.

Великие географические открытия положили начало мировой торговле. Реформация вписала новую страницу в историю духовного развития мира.

Завоевания турок-османов побудили европейцев искать новые пути на Восток.

Португальцы завязали сношения с Китаем и Японией, испанцы, англичане и французы приступили к завоеванию Америки. Плавание английских кораблей, посланных для открытия северо-восточного пути в Китай, положило начало торговле Англии с Россией через Белое море.

В начале XVI в. территория Русского государства была сравнительно невелика.

Границы проходили в районе Нижнего Новгорода, Рязани, Вязьмы и Чернигова.

Численность населения едва ли превышала 7-9 миллионов человек. Во второй половине столетия из-за разрухи русское население стало покидать насиженные места и переселяться на северные земли — в Поморье и Приуралье, а также в южные степи — «Дикое поле». Подъем городов и торговли продолжался до середины XVI в.

При Иване III русские покончили с татарским игом. Однако на протяжении всего столетия южные пределы страны и даже Москва подвергались нападениям кочевых орд.

Россия значительно отставала от стран Западной Европы. Но ее культура развивалась как часть европейской культуры. Ее успехи в сфере летописания и книгопечатания, литературы, живописи и архитектуры, прикладных искусств были весьма значительны. Национальное сознание переживало подъем. Далекая Московия ощутила ветры европейской Реформации.

Объединение русских земель не привело к немедленному исчезновению традиций и порядков раздробленности. Земли, признавшие власть Москвы, были экономически разобщены. Общество живо ощущало потребность реформировать отжившие институты управления. В России нарождалось самодержавие.

То была трудная и трагическая эпоха. С этой эпохой неразрывно связана личность Ивана IV Васильевича Грозного, первого русского царя. Его фигура издавна привлекала внимание историков и писателей, художников и музыкантов. В глазах одних он был едва ли не самым мудрым правителем средневековой России, в глазах других — подозрительным и жестоким тираном, почти сумасшедшим, проливавшим кровь ни в чем не повинных людей. Едва ли в русской истории найдется другой исторический деятель, который получил бы столь противоречивую оценку у потомков.

Кем же был Грозный и какое влияние оказала его деятельность на исторические судьбы России? При каких исторических обстоятельствах пришлось ему действовать?

В какой мере эпоха сформировала его личность и какую печать на события наложили его характер и пристрастия?

Ответ на все подобные вопросы могут дать только факты. Проследим же за ними терпеливо, со всей возможной тщательностью.

СМЕРТЬ ОТЦА

Дед Грозного Иван III женат был дважды: в первый раз на тверской княжне, а во второй — на византийской царевне Софье (Зое) Палеолог. Трон должен был перейти к представителям старшей линии семьи в лице первенца Ивана и его сына Дмитрия.

Великий князь короновал на царство внука Дмитрия, но потом заточил его в тюрьму, а трон передал сыну от второго брака Василию III. Подобно отцу, Василий III тоже был женат дважды. В первый раз государевы писцы переписали по всей стране дворянских девок-невест, и из полутора тысяч претенденток Василий выбрал Соломонию Сабурову. Брак оказался бездетным, и после 20 лет супружеской жизни Василий III заточил жену в мо-

настырь. Вселенская православная церковь и влиятельные боярские круги не одобрили развод в московской великокняжеской семье. Составленные задним числом летописи утверждали, будто Соломония постриглась в монахини, сама того желая. В действительности великая княгиня противилась разводу всеми силами. В Москве толковали, будто в монастыре Соломония родила сына — законного наследника престола — Юрия Васильевича. Но то были пустые слухи, с помощью которых инокиня пыталась помешать новому браку Василия III.

Второй женой великого князя стала юная литвинка княжна Елена Глинская, не отличавшаяся большой знатностью. Ее предки вели род от знатного татарина, выходца из Золотой Орды.

Союз с Глинской не сулил династических выгод. Но Елена, воспитанная в иноземных обычаях и не похожая на московских боярышень, умела нравиться. Василий был столь увлечен молодой женой, что в угоду ей не побоялся нарушить заветы старины и сбрил бороду.

Московская аристократия не одобрила выбор великого князя, белозерские монахи объявили его брак блудодеянием. Но большей бедой было то, что и второй брак Василия III оказался поначалу бездетным.

Четыре года супруги ждали ребенка, и только на пятом Елена родила сына, нареченного Иваном. Случилось это 25 августа 1530 г. Недоброжелатели бояре шептали, что отец Ивана — фаворит великой княгини. Согласно легенде, во всем царстве в час рождения младенца будто бы разразилась страшная гроза. Гром грянул среди ясного неба и потряс землю до основания. Казанская ханша, узнав о рождении царя, объявила московским гонцам: «Родился у вас царь, а у него двой зубы: одними ему съесть нас (татар), а другими вас». Известно еще много других знамений и пророчеств о рождении Ивана, но все они были сочинены задним числом.

Источники официального происхождения приветствовали рождение наследника как событие, благое для всего православного мира: «Не токмо все Русское царство, но и повсюду все православнии възрадовашася, вси православнии во всех концах вселенныя радости исполнишася». Прошло время, и церковные писатели выступили с пророчествами по поводу того, что царь

Иван освободит от ига неверных колыбель и столицу мирового православия — Константинополь — «город на семи холмах». Русский род, провозглашала «Степенная книга царского родословия», победит измаильтян «и седьмахолмого примут... и в нем воцарятся».

Прогнозы по поводу будущей славы царя и его потомков были слишком оптимистичны. Давно появились признаки того, что московская династия клонится к закату.

Потомки «старого Игоря», киевского князя варяжского происхождения, в течение семи столетий женились в своем кругу. Московские Рюриковичи выбирали невест из семей тверских, рязанских князей и других Рюриковичей. Иван IV получил от предков тяжелую наследственность. В его жилах кроме варяжской и славянской текла кровь императорского рода Палеологов из Византии, татар из Орды и литовских князей.

Появились признаки вырождения царской семьи. Младший брат Ивана IV князь Юрий был глухонемым идиотом. Сын Ивана Федор страдал слабоумием, а другой сын, Дмитрий, был поражен с младенческих лет «черным недугом», или эпилепсией, которая рано или поздно свела бы его в могилу.

Василий III был несказанно рад рождению первенца. Со всей семьей он отправился в Троице-Сергиев монастырь. В обители были приглашены самые известные своей святой жизнью старцы. Первым из них был Кассиан Босой, инок Иосифо-Волоколамского монастыря. Он достиг преклонных лет и едва передвигался. Его «яко младенца привезоша» в Троицу, а во время церемонии крещения поддерживали под руки.

Восприемниками княжича стали также игумен Даниил, призванный из Троицкого монастыря в Переяславле-Залесском, и Иев Курцов, инок Троице-Сергиева монастыря. Наследник был назван именем Иван в честь Иоанна Крестителя и в честь деда Ивана III. После церемонии крещения великий князь поднял младенца на руки и перенес на гробницу Сергия Радонежского, как бы вверяя его покровительству самого славного московского подвижника.

Рождение у Василия и Елены Глинской первенца — Ивана принесло в великокняжескую семью обычные заботы и радости. Когда Василию случалось покидать Москву без семьи, он слал

«жене Олене» нетерпеливые письма, повелевая сообщать, здоров ли «Иван-сын» и что кушает. Ото дня ко дню Олена уведомляла мужа, как «покрячел» младенец и как явилось на шее у него «место высоко да крепко». Ивану едва исполнилось три года, когда отец его заболел и умер.

Характер взаимоотношений великого князя с окружавшей его знатью никогда прежде не проявлялся так ярко, как в момент болезни и смерти Василия III. Завещание великого князя не сохранилось, и мы не знаем в точности, какова была его последняя воля. В Воскресенской летописи 1542 г. читаем, что Василий III благословил «на государство» сына Ивана и вручил ему «скипетр Великой Руси», а жене приказал держать государство «под сыном» до его возмужания. При Грозном, в 50-х годах, летописцы стали утверждать, будто великий князь вручил скипетр не сыну, а жене, которую считал мудрой и мужественной, с сердцем, исполненным «великого царского разума». Иван IV любил свою мать, и в его глазах имя ее окружено было особым ореолом. Неудивительно, что царские летописи рисовали Елену законной преемницей Василия III. Со временем летописная традиция трансформировалась, и Елена превратилась в носительницу идей централизованного государства, защитницу его политики, твердо противостоявшей проискам реакционного боярства.

Если от придворных летописей мы обратимся к неофициальным свидетельствам, то история прихода к власти Глинской предстанет перед нами в ином освещении.

Осведомленный псковский летописец отметил, что Василий III «приказал великое княжение сыну своему большому Ивану и нарече его сам при своем животе великим князем и приказал его беречи до пятнадцати лет своим бояром немногим». Из псковского источника следует, что Василий III наделил регентскими функциями не жену Елену и не Боярскую думу в целом, а немногочисленную боярскую комиссию, у которой Глинская затем незаконно отняла власть.

Какая же версия верна — московская придворная или псковская неофициальная? Ответ на этот вопрос заключен в самых ранних летописях, составленных очевидцем последних дней Василия III. ...Великий князь смертельно занемог на осен-

ней охоте под Волоколамском. Услышав от врача, что положение его безнадежно, Василий III велел доставить из столицы заповещение. Гонцы привезли духовную грамоту, «от великой княгини крьющися».

Когда больного доставили в Москву, во дворце начались бесконечные совещания об «устроенье земском». На совещаниях присутствовали советники и бояре. Но ни разу великий князь не пригласил «жену Олену». Объяснение с ней он откладывал до самой последней минуты. Когда наступил кризис и больному осталось жить считанные часы, советники стали «притужать» его послать за великой княгиней и благословить ее. Вот когда Елену пустили наконец к постели умирающего. Горько рыдая, молодая женщина обратилась к мужу с вопросом о своей участи: «Государь великий князь! На кого меня оставляешь и кому, государь, детей приказываешь?» Василий отвечал кратко, но выразительно: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением, а тебе есми написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отцов наших и прародителей по достоянию, как прежним великим княгиням».

Елена хорошо уразумела слова мужа. Вдовы московских государей получали «по достоянию» вдовый удел. Так издавна повелось среди потомков Калиты. Елена плакала. «Жалостно было тогда видеть ее слезы, рыдания», — печально завершает очевидец свой рассказ.

Слова московского автора подтверждают достоверность псковской версии. Великий князь передал управление боярам, а не великой княгине. Василию III перевалило за 50, Елена была лет на 25 моложе. Муж никогда не советовался с женой о своих делах. Красноречивым свидетельством тому служила их переписка. Перед кончиной Василий III не посвятил великую княгиню в свои планы. Он не доверял молодости жены, мало надеялся на ее благоразумие и житейский опыт. Но еще большее значение имело другое обстоятельство. Вековые обычаи не допускали участия женщин в делах управления. Если бы великий князь вверил жене государство, он нарушил бы древние московские традиции.

Сведения о передаче власти боярам получили различное истолкование. Одни историки предположили, что Василий III

образовал при малолетнем сыне регентский совет. По мнению других, монарх поручил государственные дела всей Боярской думе, а опекунами назначил двух удельных князей — Бельского и Глинского.

Обратимся к источникам. Перелистав тексты завещаний — «душевных грамот» московских государей, мы можем убедиться в том, что ответственность за выполнение своей последней воли великие князья неизменно возлагали на трех-четыре душеприказчиков из числа самых близких бояр. Так же поступил смертельно занемогший Василий III. Для утверждения завещания он пригласил в качестве душеприказчиков своего младшего брата — удельного князя Андрея Старицкого, трех бояр (самого авторитетного из руководителей Боярской думы князя Василия Шуйского, ближнего советника Михаила Юрьева и Михаила Воронцова) и некоторых других советников, не имевших высших думных чинов. В нарушение традиции великий князь решил ввести в опекунский совет Михаила Глинского, который был чужеземцем в глазах природной русской знати и из двадцати лет, прожитых в России, тринадцать провел в тюрьме как государственный преступник.

Решительность, опыт и энергия Глинского позволяли Василию III надеяться, что он оградит безопасность родной племянницы Елены Глинской. Убеждая советников, Василий III указывал на родство Глинского с великой княгиней, «что ему в родстве по жене его». У постели больного произошел политический торг. Бояре соглашались выполнить волю государя, но настаивали на включении в число опекунов-душеприказчиков своих родственников. Василий III принял их условия.

Круг опекунов расширился: Василий Шуйский добился назначения брата боярина Ивана Шуйского, а Михаил Юрьев — двоюродного дяди боярина Михаила Тучкова. Царь поручил правление «немногим боярам», гласит псковское известие. Теперь мы можем точно определить их число. Василий III вверил дела особой боярской комиссии, возглавленной удельным князем. В нее входили некоторые «ближние люди» (например, сын боярский Иван Шигона), не имевшие высшего думного чина. Но главенствовали в комиссии семь лиц — князь Старицкий и шестеро бояр.

«Седьмочисленный» опекунский совет был, по существу, одной из комиссий Боярской думы. Назначение Шуйских определялось тем, что добрая половина членов думы (двое Шуйских, двое Горбатовых, Андрей Ростовский, дворецкий Иван Кубенский-Ярославский) представляла коренную суздальскую знать. Из старомосковских родов боярский чин имели трое Морозовых, Воронцов и Юрьев-Захарьин. Но они занимали низшее положение по сравнению с княжеской знатью.

Опекунский совет был составлен из авторитетных бояр, представлявших наиболее могущественные аристократические семьи России. В 1533 г. в состав думы входили примерно 11-12 бояр. Большая часть их вошла в регентский совет.

По давней традиции великий князь, покидая Москву, оставлял «царствующий град» в ведении боярской комиссии. Возможно, московскую боярскую комиссию и опекунский совет 1533 г. можно рассматривать как своего рода предтечу семибоярщины периода Смуты. Во второй половине XVI в. московская комиссия не менее десяти раз брала на себя управление «царствующим градом» в отсутствие государя. Численность ее колебалась. В шести случаях она насчитывала семь бояр, в других случаях — от трех до шести лиц.

Василий III не помышлял о том, чтобы уничтожить значение Боярской думы. На последнее прощание он пригласил к себе князей Дмитрия Бельского с братьями, князей Шуйских с Горбатовыми и «всех бояр». Умиравший заклинал думцев: «Вы, брате, постоите крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь и чтобы была в земле правда». Отпустив думу, Василий III оставил у себя до глубокой ночи двух самых доверенных советников — Михаила Юрьева-Захарьина и Ивана Шигону, к которым присоединился Михаил Глинский. Им он отдал последние распоряжения, касавшиеся его семейных дел: «...приказав о своей великой княгине Елене, како ей без него быти, как к ней бояром ходити...».

После почти тридцати лет управления государством Василий III сосредоточил в своих руках огромную власть. Современники недаром бранили великого князя за то, что он решает все дела с несколькими ближайшими советниками — «сам-третей у постели» — без совета с Боярской думой. Последнее совещание

у постели умирающего подтверждало основательность подобных обвинений. Как видно, великий князь рассчитывал сохранить сложившийся порядок вещей, учредив особый опекунский совет. Среди ближних людей даже Михаил Юрьев далеко уступал по знатности и официальному положению главным боярам думы. Что касается Ивана Шигоны, то он возвысился всецело по милости государя и не мог претендовать на высокий думный чин. Введя этих лиц в круг своих душеприказчиков, Василий III надеялся с их помощью оградить трон от покушений со стороны могущественной аристократии.

Разделение Боярской думы на части и противопоставление семибоярщины прочей думе должно было ограничить ее влияние на дела управления. Со временем семибоярщина выродилась в орган боярской олигархии. Но в момент своего учреждения она была сконструирована как правительственная комиссия, призванная предотвратить ослабление центральной власти. Избранные советники должны были управлять страной и опекать великокняжескую семью в течение двенадцати лет, пока наследник не достигнет совершеннолетия.

После смерти Василия III бразды правления перешли в руки назначенных им опекунов. По словам очевидцев, находившихся в Москве до лета 1534 г., старшими воеводами, которые безотлучно находятся на Москве, являются боярин Василий Шуйский, Михаил Глинский, Михаил Захарьин с Михаилом Тучковым и Иван Шигона, тогда как первые бояре думы князь Дмитрий Бельский с Федором Мстиславским «ничего не справуют», их посылают из столицы с ратными людьми, «где будет потреба». Стараниями опекунов трехлетний Иван был коронован без всякого промедления, несколько дней спустя после кончины отца. Верные бояре спешили предупредить мятеж удельного князя Юрия Ивановича. В течение двадцати пяти лет Юрий примерялся к роли наследника бездетного Василия III. После рождения наследника в великокняжеской семье удельный князь, видимо, не отказался от своих честолюбивых планов. Опекуны опасались, что Юрий попытается согнать с трона малолетнего племянника. Чтобы предотвратить смуту, они захватили Юрия и бросили его в темницу. Удельный государь жил в заточении три года и умер

«страдальческой смертью, гладкою нужею». Иначе говоря, его уморили голодом.

Передача власти в руки опекунов вызвала недовольство Боярской думы. Между душеприказчиками Василия III и руководителями думы сложились напряженные отношения. Польские агенты живо изобразили положение дел в Москве после кончины Василия III: «Бояре там едва не режут друг друга ножами; источник распрей — то обстоятельство, что всеми делами заправляют лица, назначенные великим князем; главные бояре — князя Бельский и Овчина — старше опекунов по положению, но ничего не решают».

Князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, названный поляками в числе главных руководителей думы, стал для опекунов самым опасным противником. Он сумел снискать расположение великой княгини Елены. Молодая вдова, едва справив поминки по мужу, сделала Овчину своим фаворитом. Позднее молва называет фаворита подлинным отцом Грозного. Но то была пустая клевета. Овчина рано отличился на военном поприще. В крупнейших походах начала 30-х годов он командовал передовым полком. Служба в передовых воеводах была лучшим свидетельством его воинской доблести. Василий III оценил заслуги князя и незадолго до своей кончины пожаловал ему боярский чин, а по некоторым сведениям, также титул конюшего — старшего боярина думы. На погребении Василия великая княгиня вышла к народу в сопровождении трех опекунов (Шуйского, Глинского и Воронцова) и Овчины.

Простое знакомство с послужным списком Овчины убеждает в том, что карьеру он сделал на поле брани, а не в великокняжеской спальне. Овчина происходил из знатной семьи, близкой ко двору. Родная сестра его — боярыня Челяднина — была мамкой княжича Ивана IV. Перед смертью Василий III передал ей сына с рук на руки и велел «ни пяди не отступать» от ребенка. Конфликт между Овчиной и Глинским возник на почве политического соперничества.

За спиной Овчины стояла Боярская дума, стремившаяся закончить с засильем опекунов, за спиной Глинского — семибоярщина, которой не доставало единодушия. Фаворит оказал Глинской неоценимую услугу. Будучи старшим боярином думы, он

бросил дерзкий вызов душеприказчикам великого князя и добился уничтожения системы опеки над великой княгиней.

Семибоярщина управляла страной менее года. Ее власть начала рушиться в тот день, когда дворцовая стража отвела Михаила Глинского в тюрьму.

ПРАВИТЕЛЬНИЦА ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ

Перед смертью Василий III просил Глинского позаботиться о безопасности своей семьи. «Пролей кровь свою и тело на раздробление дай за сына моего Ивана и за жену мою...» — таково было последнее напутствие великого князя. Князь Михаил не смог выполнить данного ему поручения по милости племянницы, великой княгини.

Австрийский посол Герберштейн объяснял гибель Глинского тем, что он пытался вмешаться в интимную жизнь Елены и настойчиво убеждал ее порвать с фаворитом. Герберштейн был давним приятелем Глинского и старался выставить его поведение в самом благоприятном свете. Но он мало преуспел в своем намерении. Об авантюрных похождениях Глинского знала вся Европа. Могло ли моральное падение племянницы в самом деле волновать престарелого авантюриста? В этом можно усомниться.

Столкновение же между Овчиной и Глинским всерьез беспокоило вдову и ставило ее перед трудным выбором. Она либо должна была удалить от себя фаворита и окончательно подчиниться семибоярщине, либо, пожертвовав дядей, сохранить фаворита и разом покончить с жалким положением княгини на вдовьем уделе. Мать Грозного выбрала второй путь, доказав, что неукротимый нрав был семейной чертой всех членов этой семьи. Елена стала правительницей вопреки ясно выраженной воле Василия III. С помощью Овчины она совершила подлинный переворот, удалив из опекунского совета сначала Михаила Глинского и Михаила Воронцова, а затем князя Андрея Старицкого.

Поздние летописи объясняли опалу Глинского и Воронцова тем, что они хотели держать «под великой княгиней» Российское царство, иначе говоря, хотели править за нее государством.

Летописцы грешили против истины в угоду царю Ивану IV, считавшему мать законной преемницей отцовской власти. На самом деле Глинский и Воронцов правили по воле Василия III, который назначил их опекунами своей семьи.

Но с того момента, как Боярская дума взяла верх над семибоярщиной, законность обернулась беззаконием: боярскую опеку над великой княгиней стали квалифицировать как государственную измену.

О Глинском толковали, будто он отравил Василия III и хотел выдать полякам семью великого князя. Но этим толкам трудно верить. На самом деле князь Михаил погиб потому, что был чужаком среди московских бояр. Уморив Глинского в тюрьме, власти «забыли» наказать Воронцова. Его отправили в Новгород, наделив почетным титулом главного воеводы и наместника новгородского. Подобные действия обнаружили всю пустоту официальных заявлений по поводу заговора Глинского и Воронцова. Самый влиятельный из вождей семибоярщины, Юрьев, подвергся аресту еще до того, как взят был под стражу Глинский. Но он понес еще более мягкое наказание, чем Воронцов. После недолгого заключения его освободили и оставили в столице. Юрьев заседал в Боярской думе даже после того, как его двоюродный брат бежал в Литву.

Андрей Старицкий, младший брат Василия III, который владел обширным княжеством и располагал внушительной военной силой, после крушения семибоярщины укрылся в удельной столице — городе Старице. Однако сторонники Елены не оставили его в покое. Князю велели подписать «проклятую» грамоту о верной службе правительнице.

Опекунские функции, которыми Василий III наделил брата, были аннулированы. Живя в уделе, Андрей постоянно ждал опалы. В свою очередь, Елена подозревала бывшего опекуна во всевозможных кознях. По совету Овчины она решила вызвать Андрея в Москву и захватить его. Удельный князь почувал неладное и отклонил приглашение, сказавшись больным. При этом он постарался убедить правительницу в своей лояльности и отправил на государеву службу почти все свои войска. Этим его оплошностью сразу воспользовались Глинская и ее фаворит. Московские полки скрытно двинулись к Старице. Предупреж-